

УДК 271.2–558.7

архимандрит Дамаскин (Орловский)

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. Канонизация новомучеников и исповедников Церкви Русской состоялась в том числе благодаря тому, что церковным исследователям стали доступны материалы судебно-следственных дел в отношении пострадавших за Христа в XX веке. Но в обществе до сих пор не утихают споры о том, как относиться к такому архивному источнику как судебно-следственные дела, можно ли считать их агиографическим источником. В статье рассматриваются основные аргументы противников использования судебно-следственных дел при рассмотрении вопроса о канонизации пострадавшего. Автор статьи — доктор исторических наук и агиограф, всю жизнь посвятивший изучению подвига новомучеников и архивным исследованиям. Опираясь на Священное Писание и Священное Предание Церкви, руководствуясь ключевыми научными позициями агиографии, автор дает аргументированные ответы на поставленные вопросы.

Ключевые слова: агиография, Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской, канонизация, судебно-следственные дела, критерии канонизации, жития новомучеников.

Сведения об авторе: архимандрит Дамаскин (Орловский В. А.) — доктор исторических наук, член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, научный руководитель Регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».

Приступая к исследованию материалов, касающихся мучеников и вообще святых, должно сказать, что можно приступать к такому исследованию лишь с позиции критериев, имеющих в слове Божиим, суждениях святых отцов и опыте Церкви.

Изучая судебно-следственные дела, исследователи зачастую недоумевают по поводу большого числа арестованных, которые признали себя виновными в антисоветской, контрреволюционной и террористической деятельности. На этом основании часто делается вывод, что сведения, находящиеся в судебно-следственных делах, недостоверны, а сами дела сфальсифицированы. Удивляет исследователей и то, что следователи не фиксируют вопросы к обвиняемым об их вере в Бога. От обвиняемых требуют лишь подписаться под протоколами со лжесвидетельствами, где они оговаривают себя или других, или делают и то, и другое.

При рассмотрении материалов судебно-следственных дел следует учитывать, что при массовых гонениях на христиан всегда и во все времена преобладает число отпавших от Христа над теми, кто остался верен Ему. Установив Таинство Евхаристии и приобщив к нему учеников, Господь перед крестными страданиями, сказал им: «... се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу» (Лк. 22: 31). Господь не сказал, что это когда-то изменится, и ученики Христовы станут мно-

гочисленными или будут ограждены от искушений. Господь в продолжение повествования о просьбе сатаны говорит, что Он молился об умножении веры апостола Петра, который должен утвердить в вере братьев (Лк. 22: 32). А говоря о конце времен Господь вопрошает: найдет ли Он, придя, веру на земле? (Лк. 18: 8). Из всего этого следует, что христиан, как бы торжественно и пышно они ни выглядели в окружении внешней атрибутики, например, видов храмов, похожих на дворцы, будет всегда малое стадо, и всегда их жизнь будет проходить через те или иные испытания. Но при этом Господь именно их называет солью земли, говорит, что если эта соль потеряет силу, утратит свои свойства сохранять то, с чем она входит во взаимодействие, то в этом случае она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поправление людям (Мф. 5: 13). Пусть ее количественно мало, но пока она есть, она сохраняет мир от разложения и распада.

Во времена сколько-нибудь продолжительных периодов отсутствия гонений, внешнего спокойствия число называющих себя христианами всегда увеличивалось, люди по разным причинам, соображениям или даже выгодам присоединялись к Церкви. Но, когда наступала эпоха гонений, все эти выгоды и соображения исчезали, и христиане или покидали церковную ограду, или под натиском внешнего насилия начинали сотрудничать с гонителями. Время, которое для населения России можно было бы условно назвать мирным, когда называющие себя христианами сладко спали или мечтали о чем-то несбыточном, безоговорочно закончилось в 1917–1918 годах. И последующие события убедительно показали, что христиан, для которых вера в Христа является центром жизни, ничтожно мало. Патриарх Тихон при открытии в 1918 году Православной народной академии сказал, что у него в пастве более 100 миллионов крещеных, но почти все они не могут быть названы даже оглашенными. И начавшееся гонение это подтвердило. Время массовых гонений и вообще массовых репрессий обычно характеризуется не массовым христианским героизмом, как некоторые ошибочно думают, а массовым отступлением от исполнения христианских заповедей и нравственных норм.

Материалы судебно-следственных дел в качестве агиографического источника имели преимущественное перед другими источниками значение при принятии решений о канонизации новомучеников и исповедников на Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года и для внесения имени пострадавшего священнослужителя или мирянина в уже имеющийся Собор новомучеников и исповедников. В настоящее время включение имени пострадавшего в XX столетии христианина в состав Собора должно совершаться после изучения всех материалов, в которые входят и материалы судебно-следственных дел¹. Период, в который пострадали российские мученики, характерен тем, что

¹ Деяние о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 14 августа 2000 г. п. 14) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. II. Ч. 1. Деятельность Русской Православной Церкви. М., 2014. С. 47; Рекомендации к деятельности епархиальных комиссий по канонизации святых в епархиях Русской Православной Церкви. Документ утвержден на основании определения Священного Синода Русской Православной Церкви от 5–6 октября 2011 года (журнал № 121).

власти ставили в центр своей идеологии воинствующее безбожие, а практической целью видели уничтожение Церкви.

Прежде рассмотрения вопроса судебно-следственных дел в агрографическом аспекте следует рассмотреть судебно-следственные дела как исторический источник. Не вдаваясь в уже хорошо известные детали состава этих дел, мы можем сделать определенный вывод о наличии в них значительного блока ценной персональной информации. Это сведения о месте и дате рождения пострадавшего, сведения об образовании, о местах служения, о ранее бывших арестах, ибо мало было в то время людей, которые бы имели всего лишь один арест, и, наконец, сведения о родственниках. Но если дело велось во второй половине 1930-х годов, когда заполнение анкет было в значительной степени формализовано, то писались уже дата рождения, месяц и год. В любом случае эти сведения, извлеченные из судебно-следственных дел, можно было затем уточнять по метрическим книгам, а места служения священника — по клировым ведомостям.

Анкета обычно заполнялась со слов арестованного и является достаточно полным, а иногда и единственным источником персональной информации о нем. Иногда сведения о родственниках открывали возможность для дальнейших исследований. Но это были редкие, хотя и бесценные дополнения к материалам, имеющимся в судебно-следственных делах.

Из следственного дела мы можем узнать, когда был арестован исповедник (а иногда и в какое время), что этому предшествовало, сколько времени шло следствие, какой был приговор, и куда после приговора человек был отправлен или был он казнен. Немаловажным источником, имеющимся в судебно-следственных делах, являются показания свидетелей во время прохождения следствия и в период реабилитации пострадавшего, когда самого исповедника уже не было в живых. И если во время следствия сотрудник ОГПУ–НКВД старался направить показания свидетеля в нужное ему обвинительное русло, то во время процесса реабилитации такая задача не ставилась, и в этом случае можно было иногда получить некоторые дополнительные сведения, а заодно и сравнить показания свидетеля во время следствия и спустя двадцать или более лет. Передопрошенные через много лет свидетели часто утверждали, что они не помнят, что говорили на следствии, так как вполне отдавали себе отчет в том, что сами теперь могут подпасть под ответственность за дачу ими когда-то ложных показаний, о чем их перед началом допроса предупреждал следователь.

Показания так называемых «дежурных» свидетелей, которые привлекались органами ОГПУ–НКВД на регулярной основе, были составлены по обвинительному, указанному следователем образцу, но и в них встречаются вкрапления действительно бывших событий. Нередко в следственных делах попадает категория лжесвидетелей, которые в своей деятельности совмещали «работу свидетелей» с деятельностью секретных осведомителей, предоставлявших ОГПУ–НКВД на регулярной основе в НКВД сведения, дававшие формальные обоснования для ареста.

Все это относится к историческим источникам, так как отражает действительность 1920-х–1930-х–1940-х годов, где каждый в этой

действительности занимал свое место. Для того чтобы понять, что именно тогда происходило, нужно рассматривать происходившее в комплексе всех имеющихся фактов и запечатленных свидетельств. Это реальность. И хотя она была не радужной и не оптимистичной, а скорее суровой, но это не значит, что ее следует считать не существующей. Она была. И она осталась в документах. И в ней, даже и в такой скорбной, присутствовал тогда Господь, наполняя смыслом и радостью сердца исповедников и мучеников.

Наконец, в судебно-следственных делах содержатся сведения об обновленцах и григорьевцах, то есть о тех, кто не может быть канонизован. И здесь мы уже вплотную подходим к теме судебно-следственных дел как к агиографическому источнику. Подходим к тому, что является агиографическим источником, — к исследованию религиозно-нравственных мотивов человека.

Обновленцы стали сообществом людей, отколовшихся от Православной Церкви и образовавших церковную организацию, подчиненную, хотя и не всегда открыто, антирелигиозному и враждебному Церкви государству, а говоря точнее, его карательному аппарату, имевшему в Советском Союзе небывалое еще в мировой истории значение и влияние, бывшему по существу государством в государстве, но только государством тайным. Обновленцы были созданы и существовали в качестве секретного отдела при ОГПУ–НКВД, пока последний в 1940-х годах не решил его закрыть, введя его членов через формальную процедуру покаяния в состав Русской Православной Церкви.

Большинство из тех, кто примкнул к обновленцам, сделали это потому, что надеялись найти могущественных покровителей в лице представителей советского государства (как находили они ранее таких покровителей в царской России), чтобы с их помощью устроить для себя безбедную жизнь. Некоторые из них стали сотрудниками религиозных отделов ОГПУ и, исправно работая на своих кураторов, совмещали нахождение в обновленчестве с доношением и жили на широкую ногу, как например, бывший клирик Пермской епархии Михаил Трубин, впоследствии ставший обновленческим митрополитом, что, однако, не спасло его от расстрела.

Другие письменно заявили о себе как об атеистах, принявших священный сан из-за материальных расчетов. Однако курировавшие их сотрудники ОГПУ не позволили некоторым из них выйти из состава клира, сочтя, что они принесут в этом случае для них больше «пользы», как это произошло с диаконом Димитрием Разумовым, в свое время письменно заявившим о себе как о человеке неверующем. По указанию органов госбезопасности он затем в течение восьми лет состоял келейником митрополита Сергия (Страгородского), когда тот был сначала Местоблюстителем, а затем Патриархом.

Мало чем отличались от обновленцев и григорьевцы, руководимые епископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским). Эта группа клириков была сформирована ОГПУ исключительно с целью захвата церковной власти и разрушения церковной структуры управления. Их участники не могут быть канонизованы как по причинам каноническим (как организаторы раскола), так и по причинам, имеющим нравственный характер, как тесно сотрудничавшие с репрес-

сивным аппаратом, который ставил своей целью духовное и физическое уничтожение их собратьев. Как и обновленцы, они находились тогда в толпе гонителей Церкви, среди тех, кто с мечами и кольями пришли в Гефсиманский сад арестовать Спасителя.

Агиография — это такой же изучаемый наукой предмет, как и все гуманитарные дисциплины, а судебно-следственные дела, как исторический источник, — научная дисциплина, имеющая прикладной источниковедческий характер. Агиография имеет четкие границы и подчиняется определенным правилам, сформировавшимся как на основе церковных канонов, так и на основе изучения архивных источников.

Прежде всего, агиография, как всякая наука, не терпит человеческих пристрастий. Историк лишь изучает документ, и для него, как профессионала, неприемлемо, если содержание документа по каким-либо причинам ему не нравится или входит в противоречие с его гипотезой, считать его подложным или намеренно сфальсифицированным. И всего лишь потому, что пострадавший священнослужитель или мирянин, судебно-следственное дело которого в данный момент изучается с позиции его агиографического содержания, в него не вписывается, например, из-за того, что он подписал показания с абсурдными против себя или других обвинениями, или, говоря точнее, лжесвидетельствами. Такого, мол, не могло быть, он не мог этого сделать. А следовательно, все его подписи под протоколами допросов поддельные. Однако мы не знаем случаев, когда протоколы допросов подписывались бы за обвиняемого следователем. После 1937 года стали часто возбуждаться дела в отношении самих сотрудников НКВД, использовавших незаконные методы следствия. В вину им часто ставилось, что они угрожали подследственным, наносили им побои, применяли пытки, но ни разу не встречаются обвинения в подделке ими подписей.

Притом, что есть многочисленные случаи, когда подследственные вообще ничего не подписывали, о чем писали сами следователи или понятые, приглашенные для фиксации отказа обвиняемого от показаний или от подписи. Это бывало и тогда, когда подследственный был неграмотным или слепым. В этих случаях, казалось бы, легче всего было расписаться за подследственного. Однако этого не делалось. Кроме того, всегда было достаточно лжесвидетелей, или так называемых, «штатных» свидетелей, которые были готовы подписать любые требуемые следователем показания, что было достаточно для передачи дела в судебную инстанцию. И если обвиняемый не соглашался подписать лжесвидетельства и признать себя виновным, то следователь так и писал об этом в обвинительном заключении: «Обвиняемый не признал себя виновным, но его вина доказана показаниями свидетелей...» Обвиняемый христианин в условиях советского следствия боролся не за то, чтобы доказать свою невиновность, мечтая об освобождении, он боролся за то, чтобы не повредить душе, чтобы остаться верным Христу. По существу, обвиняемому христианину в условиях советского следствия 1920-х–1930-х годов оставалось лишь иметь попечение о главном — не быть отвергнутым Христом.

Современные исследователи при изучении судебно-следственных дел зачастую грешат субъективностью. Так бывает и с родственни-

ками пострадавших, когда они не могут принять того, что их дедушка или прадедушка подписал протоколы допросов со лжесвидетельствами против себя или других. То же бывает и с изучением судебно-следственных дел церковными людьми, когда они готовы отрицать очевидные факты и находить сложные объяснения, почему все произошло не так, как они себе представляют, выставляя всему виной внешние обстоятельства и тем самым отрицая очевидную и многократно зафиксированную в Священном Писании истину, что праведен только Бог, а всякий человек, имея поврежденную природу, может пасть и отречься от Бога.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский справедливо писал: «Человек так поврежден глубоко, растлен и осквернен грехом, до бесконечности многовидным, что и подвизаясь долго в созерцании и богомыслии, если на минуту выпустит духовные бразды ума и сердца, сейчас может ниспуститься до мыслей и чувств низких, плотских, скверных, ибо корни грехов глубоко и во все стороны проникают сердце человеческое и бывает нередко, что до смерти человека остаются в нем и парализуют душу его; только терпением, воздержанием, молитвой непрестанной, болезнями и страданиями искореняются»².

Приступая впервые к изучению судебно-следственного дела, церковный исследователь ожидает на первых же страницах допросов прочесть вопрос следователя: верует ли обвиняемый в Бога? Однако такого вопроса он не увидит, и дочитав дело до конца. Не встретит он его, исследуя и другие следственные дела, если только сам подследственный не станет говорить о вере, о Церкви, и следователь по какому-либо причинам будет вынужден за ним это записывать. Но это уже будет не в рамках ответов на вопросы следователя, а в рамках инициативы подследственного.

После публикации в 1918 году «Декрета об отделении Церкви от государства» и вышедших вскоре после этого инструкций НКЮ и НКВД широкое упоминание религиозных тем в протоколах допросов обвиняемых стало невозможным. Русская Православная Церковь, хотя и не была зарегистрирована как юридическое лицо, но была легализована вместе с тысячами входящими в нее христианскими общинами, сначала декретом, а затем Конституцией. И уже нельзя было внести в протокол допроса вопрос о вере. Все вопросы должны были задаваться в рамках уголовного или административного права, не затрагивая вопросов религиозных.

Задавая вопросы обвиняемым, следователи склоняли их к признанию ими антисоветской или контрреволюционной деятельности, хотя прекрасно знали, что никакой подобного рода деятельности они не вели. Дело было в интерпретации событий и фактов. В разные исторические периоды комплекс вопросов следователей менялся, формируясь в соответствии с политическим контекстом, который был на тот момент актуален. От контрреволюционной и антисоветской деятельности в начале 1920-х годов до участия в фашистских организациях и диверсионной деятельности в конце 1930-х годов.

Если в период Гражданской войны встречаются характерные для того времени обвинения в «непризнании советской власти», «игре на несознании темных масс», а в период новой экономической политики

² Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Живой колос. Тверь, 2005. С. 208–209.

— «в агитации против изъятия церковных ценностей», то в период 1929–1939 годов появляются обвинения «в агитации против проводимых советской властью мероприятий в деревне», «в толковании Конституции СССР 1936 года, в сочувствии фашизму и в террористических настроениях»³.

Следователь не ставил перед собой нелепую задачу оклеветать подследственного перед будущими поколениями, заставляя его подписывать лжесвидетельства, так как сам он представлял себе дело так, что все, на чем поставлены штампы «секретно» и «хранить вечно», останется неизвестно. Перед ним всего лишь стояла задача провести следствие в соответствии с имеющимися у него приказами, инструкциями и распоряжениями начальства. Пытаясь этого добиться, следователь иногда проявлял завидное упорство и упрямство, а также изобретательность в применении средств, находящихся за пределами закона, полагая, что проведение следствия с признательными показаниями обеспечит ему продвижение вверх по карьерной лестнице.

Перед исследователями лежат документы следственных дел: постановление с обоснованием ареста, ордер на арест, анкеты арестованных, протоколы допросов (кто допрашивал и в качестве кого, затем — вопросы-ответы), обвинительное заключение и приговор. И если отсутствуют какие-либо другие документы в виде внутриведомственной переписки или показаний следователя в период реабилитации репрессированного, то исследователи вынуждены ограничиться в суждениях о пострадавшем лишь судебно-следственным делом, которое и является предметом нашего исследования в агиографическом контексте.

Изучая протоколы допросов, исследователи останавливаются иногда в недоумении: как объяснить нелепые и явно несоответствующие действительности ответы обвиняемого. В этом случае они вспоминают те или иные факты, которые им встречались в других следственных делах, где говорилось, каким образом велось следствие, приводят сведения, почерпнутые из других дел, и утверждают, что и в данном случае допросы велись с применением столь же зверского метода, ибо только этим они могут объяснить нелепые ответы обвиняемого. Но это будут лишь домыслы. Невозможно утверждать, что если следствие велось таким-то следователем таким образом, то таким же образом велось следствие другого человека другим следователем.

Агиография как реальная жизнь, как факт присутствия святых в этом мире, как предмет науки очень конкретна, ничего не домысливает и ничего не сочиняет, а всякий раз соотносится только с конкретным человеком и с действительно бывшими фактами.

Перед исследователем лежит судебно-следственное дело с протоколами допросов невинно пострадавшего человека. В большинстве случаев это единственный источник сведений о его последнем периоде жизни, а иногда и вообще единственный источник сведений о нем. Исследователь может эмоционально отнестись к лживым по содержанию протоколам допросов, возмущенно задать вопрос, как вообще их можно рассматривать как достоверный источник, и в особенности, когда речь идет о канонизации, о причислении невин-

³ Нуйкина Е. Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917–1930-е гг.): источниковедческое исследование. М., 2024. С. 167.

но пострадавшего к лику святых. Но, увы, у исследователя зачастую больше и нет ничего, что относилось бы к последнему периоду жизни этого человека, то есть к периоду исповедническому.

При изучении протоколов допросов обвиняемого, и в особенности, когда обвиняемый — христианин, следует учитывать, что в данном случае мы имеем дело не со среднестатистическим гражданином, жившим в эпоху массовых репрессий в Советском Союзе, а с человеком, верующим во Христа, в воскресение мертвых, в то, что будет Страшный суд, который его не минует, которого никому не удастся избежать, по отношению к которому все земные суды и судебные следствия мало что значат. Но главное, что он, верующий человек, знает, что после его кончины ему откроется иная жизнь. Агиография имеет дело с человеком, готовым в любой день и час пострадать за Христа, для которого расставание с земной жизнью — приобретение, потому что для него жизнь — Христос (Флп. 1: 21). И если есть для исповедника смысл оставаться на земле, то разве ради ближних, ради того, чтобы его христианское дело принесло плод (Флп. 3: 12). Но какое же дело могло в то время принести плод при всеобщем тотальном разгроме христианской Церкви? Такого дела тогда не было, кроме дела исповедничества. И поэтому для христианина несравненно было лучше тогда, по слову апостола Павла, разрешиться от этой жизни и быть со Христом (Флп. 1: 23).

Для оказавшегося под следствием во время массовых гонений, когда повсюду закрывались храмы, арестовывалось духовенство и миряне, открывалась прямая возможность «быть со Христом». Исповедник переставал чего-либо бояться, потому что худшее (с точки зрения следователя), что могло с ним случиться, это то, что его могли убить. Но тогда он предстанет Христу в наилучший момент своей жизни.

Когда святителя Василия Великого представители властей принуждали изменить свое богословское суждение, угрожая ссылкой и смертью, то он на это вполне резонно ответил, что место, где он сейчас живет, не его, а куда его сошлют, — будет его. И что с ним могут поделаться мучители, когда он так слаб, что разве первый удар будет для него чувствителен? «Смерть для меня — благодеяние, — сказал он. — Она скорее приведет меня к Богу, для Которого живу и тружусь, и к Которому я давно стремлюсь»⁴.

И в этом случае скорее следователь будет бояться подследственного, нежели исповедник следователя, потому что следователь боится потерять свое место и еще больше того — свою земную жизнь, которые представляют для него главные ценности, ради сохранения которых он готов пойти даже на подлость, а исповедник стремится к вечному.

Исследователям, изучающим историю гонений на христиан в XX столетии и считающим, что хуже следственных тюрем, чем в советской России, никогда не было, следовало бы знать, в каких условиях находились узники древней Церкви сравнительно с заключенными в советское время.

Следственные тюрьмы в Римской империи представляли собой

⁴ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-миней св. Димитрия Ростовского. Книга пятая. М., 1904. С. 31.

темные, душные, грязные помещения, где мужчины и женщины находились вместе. Обычным тюремным наказанием было лишение пищи и питья, причем в крайней степени, что нередко приводило к смерти. В качестве наказания подследственных приковывали концом цепи к стене или к стражу. Тюрьма имела и свой карцер. Это была глубокая яма в подвальном помещении тюрьмы, куда не было спуска, и заключенных сбрасывали туда через люк в полу, а люк заваливали камнем. В яме стоял непроницаемый мрак и смрад. Дно ямы было загажено. Чтобы заключенные не могли лечь, тюремщики сбрасывали на дно ямы осколки битого стекла. При следствии применялись пытки: бичевание и растягивание на станке, пытки при помощи железных скребков, прикладываний к телу раскаленного железа и горящих факелов. Причем подвергались пыткам и женщины, и несовершеннолетние дети. Нередко пытки становились формой мести следователя, когда ему не удавалась скорая победа над совестью мученика. В этих случаях следователь разнообразил пытки, чтобы сделать их более мучительными, что нередко приводило к тому, что узники умирали до окончания следствия.

Но если подследственный, который перед государством решительно ни в чем не виновен и у которого со следователем нет общих тем для бесед (причем задачей следователя является религиозное и нравственное совращение исповедника), вдруг начинает вести со следователем продолжительные беседы, инициатором которых является следователь, это означает, что человек еще живет в земной жизни и его душевное явно доминирует над духовным. Исповедник может вести со следователем продолжительные беседы лишь в том случае, если он надеется, подобно апостолу Павлу и другим христианам, просветить следователя светом Христовым или через записанные следователем показания что-то сообщить другим христианам, будучи уверен, что время гонений закончится и его важное для церковных людей сообщение будет ими прочитано. Как сделал это Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр (Полянский)*, направлявший прошения руководителям ОГПУ с описанием наиболее значимых событий церковной жизни и тех предложений, которые ему делались мучителями.

Другое дело, что далеко не все, заявлявшие о себе как о христианах, являлись людьми верующими во Христа настолько, что готовы были пострадать за веру. Многие из них надеялись на Христа лишь в этой земной жизни, становясь, по апостолу Павлу, несчастнее всех людей (1 Кор 15:19). И тогда во время испытаний они, стремясь продлить свое земное существование, как бы даже забывали, что смерть их не минует. А забывая об этом, соблазнялись и падали.

Агиографический аспект, будучи прост по своей сущности, имеет не так уж много вариантов. В них включается, конечно, и то, что христианин в условиях относительной свободы должен быть нравственно безупречен, избегать греха, который не должен властвовать над ним, насколько это возможно по изначальной немощи падшего человека. Апостол Павел писал, что если человек не достигнет любви, которая есть венец всех добродетелей, то все страдания и жертвы, которые он принесет, напрасны, и сама мученическая кончина не принесет ему никакой пользы (1 Кор 13:3).

Архиепископ Тверской Фаддей (Успенский)⁵ писал: «Нельзя думать, будто жизнелюбец, утопавший всю жизнь в страстях, затем, против ожидания и желания обреченный на страдания и смерть, удостоится венца мученического, хотя бы и подвергся страданиям и смерти по ненависти врагов его ко Христу. Нужны Христу не страдания и смерть сами по себе, а совершенная любовь, которой очиститься от страстей и укрепиться более всего помогают страдание и смерть.

Мученичество за Христа тесно связано с подвигами очищения души от страстей путем молитвы и поста. Но если иные достигали совершенной любви к Богу подвигами молитвы и поста в течение всей своей жизни, то мученики прошли те же подвиги в краткое время через усиленный, вышеестественный порыв любви к Богу»⁶.

Мученичество — это не случайные страдания, и венец мученический — это не то, чем Господь награждает по стечению обстоятельств. На фоне критериев мученичества, описанных священномучеником Фаддеем, ясно, что явление мученичества правомерно рассматривать не только с точки зрения канонической (исповедник не должен быть обновленцем или григорьевцем), но что более важно, он не должен быть нарушителем заповедей, а поэтому не должен быть лжесвидетелем против себя или других. Заповеди не предполагают каких-либо исключений для своего нарушения. Нарушитель одной какой-либо заповеди становится виновным во всем (Иак 2:10). И христианин, хотя бы он и подвизался, не получит награды, если он будет подвигаться незаконно (2 Тим 2:5).

Тем более исповедник не должен быть секретным сотрудником ОГПУ, то есть подражателем Иуды, предателем, руководствующим мотивом жизни которого становится боязнь за свое земное благополучие. В этом случае он возвращает себя в то положение, как будто Христос еще не воскрес и еще не лишил силы имеющего державу смерти, то есть дьявола, и не избавил от рабства тех, которые от страха смерти были ему подвержены в течение жизни (Евр 2:14–15).

Возвратиться же в первоначальное состояние от предательства если и можно, то лишь через страдание. Причем не через такое страдание, когда бывшего или действующего секретного осведомителя казнят в общей волне репрессий, а через страдание, понесенное им добровольно за это предательство, притом что человек не принес вреда другим, а лишь своей душе, оскорбившей Христа. По роду падения приносится и плод покаяния.

Протоиерей Николай Тохтуев⁷ в 1931 году под угрозой расправы дал подписку о сотрудничестве с органами ОГПУ, но в 1933 году снова был арестован. На допросе он заявил, что давал в 1931 году подписку о сотрудничестве в качестве секретного осведомителя, но сотрудничать с ОГПУ не стал. «С советской властью я считаюсь и признаю ее постольку, поскольку она не вредит вере, — сказал он. — От дальнейших показаний отказываюсь»⁸. Особое Совещание при

⁵ Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской; память 18/31 декабря.

⁶ Духовное наследие священномученика архиепископа Фаддея. Том 3. М., 2022. С. 174–175.

⁷ Священномученик Николай Тохтуев; память 4 / 17 мая.

⁸ ГАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. П-8768. Т. 1. Л. 209.

Коллегии ОГПУ приговорило его к трем годам ссылки на Урал. Но он направился не в определенное ему место ссылки, а в Московскую область, где стал служить в одном из подмосковных храмов. В Великую Пятницу Страстной седмицы, 26 апреля 1940 года, он был вызван в районное отделение НКВД, где следователь, пригрозив загнать его на восемь лет в лагерь, потребовал от него, чтобы он дал подписку о сотрудничестве с обязательством держать сведения об их договоре в строжайшем секрете. Протодиакон согласился, и следователь велел ему явиться на следующий день после Пасхи, 29 апреля.

Решив категорически отказаться от сотрудничества и понимая, что после визита в НКВД он может домой уже не вернуться, отец Николай собрал вещи, которые могли ему пригодиться в тюрьме, и написал заявление на имя начальника районного отделения. Придя в НКВД, он отдал ему заявление, в котором написал: «Товарищ начальник, я отказываюсь от своей подписки и давал ее лишь потому, чтобы мне была возможность встретить Пасху и проститься с семьей. По моим религиозным убеждениям и по сану я не могу быть предателем даже самого злейшего врага»⁹.

Начальник районного НКВД отпустил отца Николая подумать, но протодиакон остался непреклонен и позже подал ему еще одно заявление, в котором писал: «Гражданин начальник! Разрешите мне объясниться с Вами письменно: я говорить не умею по своей необразованности. Что вы от меня требуете, то я сделать не могу. Это мое последнее и окончательное решение. Большинство из нас идет на такое дело, чтобы спасти себя, а ближнего своего погубить, — мне же такая жизнь не нужна. Я хочу быть чистым перед Богом и людьми, ибо, когда совесть чиста, то человек бывает спокойный, а когда не чиста, то он не может нигде найти себе покоя, а совесть у каждого человека есть, только она грязными делами заглушается, а потому я не могу быть таким, каким Вы бы хотели... Хотя я семейный человек, но ради того, чтобы быть чистым перед Богом, я оставляю семью ради Него... Разве не трудно мне оставить... семью в восемь человек и ни одного трудоспособного? Но меня подкрепляет и ободряет дух мой Тот, ради Которого я пойду страдать, и я уверен в том, что Он меня до последнего моего вздоха не оставит, если я Ему буду верен, а отчет мы все должны дать, как жили мы на земле...»¹⁰.

Протодиакон Николай Тохтуев, как исповедник, дал исчерпывающий ответ, важный особенно для тех, кто придерживается семейного образа жизни, который не может оправдать отступничество и исключить исповедничество. Вскоре отец Николай был арестован, приговорен к восьми годам заключения и из заключения не вернулся, наследовав жизнь вечную.

В 1925 году ОГПУ арестовало служившего в одном из московских храмов священника Владимира Медведюка¹¹. Ему предъявили стандартное обвинение в антисоветской агитации и заявили, что он будет заключен в концлагерь, если не согласится стать секретным сотрудником. Проявив малодушие, отец Владимир дал на это согласие. Задания, которые ему стали даваться, касались, в частности, проведе-

⁹ ГАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. П-8768. Т. 2. Л. 44.

¹⁰ Там же. Л. 59–62.

¹¹ Священномученик Владимир Медведюк; память 20 ноября / 3 декабря.

ния внутри Церкви политики ОГПУ через некоторых иерархов, на которых он должен был повлиять.

Вступив в мучительный разлад со своей совестью, он вскоре прекратил отношения с ОГПУ, тогда его пригласили на Большую Лубянку, где потребовали объяснений. Отец Владимир заявил, что отказывается от сотрудничества. В течение трех суток его держали на Лубянке, уговаривая изменить решение и оказывая на него всякого рода давление. Это был поединок сил зла с религиозной совестью христианина при незримой поддержке Христа. Священник заявил, что он покался в грехе сотрудничества с ОГПУ перед духовником, которому он исповедал его как грех предательства, и не переменит своего решения. После этого был выписан ордер на арест и предъявлено обвинение в разглашении не подлежащих оглашению сведений. Коллегия ОГПУ приговорила протоиерея Владимира к трем годам заключения в концлагере на Беломорско-Балтийском канале. Таков был его плод покаяния. В 1937 году протоиерей Владимир был вновь арестован и расстрелян.

Подобным же образом на отступничество смотрели и святые отцы, жившие в эпоху гонений, поддерживая тех, кто в этих обстоятельствах избирал путь страданий. Священномученик Киприан, епископ Карфагенский в письме к падшим, просившим прощения, писал: «Если кто истинно и твердо раскаивается в своем поступке, если в ком теплота веры превозмогает, то не желающий ждать [окончания срока епитимьи] может искать венца»¹², то есть сам способствовать тому, чтобы гонители предали его на мучения.

Агиография имеет и аксиомы. Предметом изучения агиографии являются судьбы лишь тех пострадавших, которые устояли в четко очерченных ею границах. Агиография не включает в свое рассмотрение разбор обстоятельств, почему человек пал, и не изучает сферу психологических переживаний человека; не пользуется она и версиями, и предположениями. Агиография не оправдывает и не осуждает. Предметом ее рассмотрения являются лишь зафиксированные тем или иным способом факты. Если этих фактов недостаточно, чтобы четко уяснить христианскую позицию человека, то она эти случаи и не рассматривает, как не подлежащие ее ведению, откладывая изучение до того времени, пока эти факты будут Богом открыты.

Не рассматриваются агиографией и те случаи, когда человек устоял перед внешним насилием, но не исповедовал Христа, пришедшего во плоти (1 Ин. 4: 3). Митрополит Петроградский Вениамин¹³, стараясь возбудить ревность в собратях и укрепить их мужество, такие случаи ставил малодушным христианам в пример, когда незадолго до своей мученической кончины писал из тюрьмы: «Теперь время суда. Люди ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эсеры... Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить надобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века»¹⁴.

¹² Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М, 1999. С. 445.

¹³ Священномученик Вениамин (Казанский), митрополит Петроградский; память 31 июля / 13 августа.

¹⁴ Зегжда С. А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. [Набережные челны], 2009. С. 21.

Случаи, не входящие в круг рассмотрения агиографии, рассматриваются в рамках изучения истории Церкви, истории государства и как части истории государства — его репрессивного аппарата.

Вариантов допросов мучеников, жизнь которых может стать предметом агиографического исследования, немного. Это те, кто перед лицом гонителей и перед их требованием назвать имена известных ими людей отказывались это делать, но, главным образом, отказывались против них лжесвидетельствовать, называя их контрреволюционерами и т. п., и при этом четко обозначали свою христианскую позицию, исповедовали ее перед гонителями, и потому их с полным правом можно назвать исповедниками.

В качестве иллюстрации приведем в пример тех, кто по-разному отнеслись к опубликованной в 1927 году декларации заместителя Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), — одни, критикуя ее положения, другие, согласившись с ними. И те, и другие вполне показали свою веру в воскресшего Христа перед лицом гонителей. Среди них — священники Сергей Тихомиров¹⁵, Николай Прозоров¹⁶ и Николай Кобранов¹⁷.

Протоиерей Сергей Тихомиров во время следствия не стал скрывать, что он является противником власти, но лишь в той части ее действий, где она преследует Церковь. В остальном он власти подчиняется. Не стал он скрывать и свою позицию относительно развернувшейся дискуссии, в которой обсуждалась декларация митрополита Сергия, и что он призывал верующих к распространению воззваний и посланий, в которых критикуется эта декларация. При этом он категорически заявил следователю: «Называть спрашиваемых у меня моих знакомых и духовных дочерей <...> я отказываюсь»¹⁸.

В этих чрезвычайных обстоятельствах главой Российской Православной Церкви был Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский), без согласия с которым любые действия, имеющие общецерковное значение, но им не одобренные, носили лишь временный характер. Последовавшая после публикации декларации дискуссия была неизбежной, на что власти, публикуя декларацию, и рассчитывали. Следователю протоиерей Сергей сказал: «Я как истинно православный не могу принимать радости советской власти за радости Церкви и успехи советской власти за наши успехи. Советская власть стремится уничтожить Церковь, она гонит, разрушает и всячески искореняет религию, а я как истинно православный стою на защите Православной Церкви...»¹⁹.

Следователь спросил у протоиерея Сергия об исповеди, которую тот принимал у приходившего в храм Спаса-на-Крови духовенства. На этот вопрос отец Сергей ответил: «Я по поручению архиепископа Димитрия [Любимова] принимал для исповеди приезжающее с разных мест СССР духовенство. Откуда и кто приезжал и был у меня на исповеди, я говорить не буду и не считаю себя вправе говорить об

¹⁵ Священномученик Сергей Тихомиров; память 8/21 августа.

¹⁶ Священномученик Николай Прозоров; память 8/21 августа.

¹⁷ Священномученик Николай Кобранов; память 18/31 декабря.

¹⁸ УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Арх. № П-78806. Т. 1. Л. 8 об.

¹⁹ Там же. Л. 11 об.—12.

этих церковных актах. Исповедь всегда происходила в алтаре церкви Спаса-на-Крови и совершалась тайно»²⁰.

Следователь спросил священника, читал ли он изъятые у него при обыске «Деяния Русского Всеаграничного Церковного Собора», состоявшегося в Сремских Карловцах в 1921 году, и откуда он их взял. Отец Сергей ответил: «Протоколы Карловацкого Собора у меня имелись, но от кого я их получил, я не знаю, и я повторяю, что ни о каком таком лице я говорить не буду, что касается меня, я от показаний не отказываюсь»²¹. Его позиция была говорить по существу проблем взаимоотношений Церкви и власти, но при этом никого не называть и в следственное дело не впутывать.

Сходной позиции держался и расстрелянный вместе с ним священник Николай Прозоров, написавший в своем заявлении следователю, что он нашел в себе много грехов против Бога и Его святых заповедей, но не нашел ни одного греха или преступления государственного, политического, контрреволюционного. В этом отношении совесть его чиста. Он заметил следователю, что абсурдно само заявление о лояльности к советской власти после десяти лет ее существования, как будто в течение этих десяти лет церковные люди были к ней нелояльны. Отец Николай пояснил, что лояльность, по его мнению, прежде всего выражается в том, насколько добросовестно исполняет человек свои гражданские обязанности при советской власти; есть лояльность на словах, а есть лояльность на деле. И если лояльность на деле выражается в созидательном и полезном труде, то лояльность на словах может быть лицемерной.

Находясь в молитвенном общении с главой Поместной Церкви Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Крутицким Петром, священники не скрывали перед гонителями своей церковной позиции, но при этом отказывались говорить о других людях, потому что представители репрессивного аппарата заведомо смотрели на критиков позиции заместителя Местоблюстителя как на врагов государства, а это могло предать их в руки гонителей.

Однако далеко не все, кто проходил по одному делу со священниками Сергием Тихомировым и Николаем Прозоровым, держались подобным образом. По тому же делу (с тем же следователем) проходил Михаил Коптев, учившийся на тех же богословских курсах, что и отец Николай. Следователь сумел убедить его, что священники храма Спаса-на-Крови не за чистоту веры ратуют, а борются с советской властью. И тот, прельщенный логикой гонителей, показал: «Я рабочий, противником советской власти никогда не был, я искренне раскаиваюсь, что, ослепленный твердым православием иосифлян, не замечал того, что я попал в среду, явно настроенную против существующей советской власти. Я понял, что иосифляне под видом защиты канонов истинного православия, под видом борьбы и непризнания декларации митрополита Сергея вели скрытую, замаскированную религиозностью борьбу с советской властью, как властью антихристовой, но повторяю, что я был ослеплен и в моих

²⁰ УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Арх. № П-78806. Т. 1. Л. 14 об.

²¹ Там же. Л. 16 об.

задачах было лишь сохранить Церковь»²².

Следователь не удовлетворился этим заявлением и потребовал большего, и тот согласился стать осведомителем и доносить о сокамерниках, о чем дал расписку: «Я нижеподписавшийся, Коптев Михаил Андреевич, вполне осознав, что группа духовенства церковной группировки настроена против советской власти, которая, прикрываясь борьбой с митрополитом Сергием, ведет скрытую борьбу с советской властью, обязуюсь, находясь под стражей, всеми мерами способствовать восстановлению истины, не скрывая ничего, буду протокольно показывать о настроениях проходящих по моему делу как духовенства, так и мирян. О данной мною расписке я никому не должен говорить»²³. Михаила Коптева приговорили к десяти годам заключения в концлагере, впоследствии срок заключения ему был сокращен.

Проходивший по тому же делу священник Григорий Владимиров показал: «Правой рукой нашего руководителя епископа Дмитрия [Любимова] был священник Прозоров Николай. Он был не только секретарем епископа Дмитрия, но и советником. <...> Как среди верующих, так и среди духовенства нашей группы зачастую можно было услышать злобную ненависть к существующей соввласти. Многие ждут не дождутся падения большевиков»²⁴. Священник Григорий Владимиров был приговорен к десяти годам заключения в концлагере.

Идя навстречу пожеланиям следователя, проходивший по тому же делу священник Петр Беллавский показал: «К епископу Дмитрию приезжало много духовенства и мирян с разных мест СССР. <...> Из числа приезжавших я помню священника Дулова из Москвы. <...> Приезжал с Перекомского монастыря архимандрит Сергей с какой-то женщиной. С Твери священник Александр Липовский или Липковский, с города Вятки приезжало больше всего. Приезжал епископ Иоасаф. <...> Безусловно, все эти лица были настроены антисоветски. <...> Я перешел в иосифлянство с тою лишь целью, чтобы сохранить истинное православие, и увлечен был в эту группу переездом владыки Дмитрия в Тайцы. Я сознавал и в настоящее время сознаю, что духовенство и та верующая масса, отошедшая от митрополита Сергия за его декларацию, за его указ о молениях за власть, является непримиримыми противниками не только митрополита Сергия, но и соввласти. В этой непримиримой ненависти виновато, безусловно, духовенство, которое воспитывает массу в этом непримирении по отношению к соввласти духе. <...> Распространение документов, направленных не столько против митрополита Сергия, сколько против существующей власти, говорит за то, что наше духовенство старается воспитать массу в антисоветском духе.

Повторяю, что таких мыслей у меня не было. Находясь в этой группе, я несколько раз задумывал уйти из этой группы и удерживала меня только близость владыки Дмитрия»²⁵. Священник Петр Беллав-

²² УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Арх. № П-78806. Т. 1. Л. 32 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 172 об., 176.

²⁵ Там же. Л. 241.

ский был приговорен к пяти годам заключения в концлагере.

Михаил Коптев и священники Григорий Владимиров и Петр Беллавский согласились рассматривать происходившие события не как церковные, а как политическую борьбу с советской властью, чего и добивались от них следователи. Находясь в одних и тех же условиях, они в религиозном отношении держались разных позиций. Одни полагались на Бога, другие — на снисхождение гонителей.

Однако отношение к декларации — отрицательное, положительное или безразличное — не находится в области агиографии, так как декларация, ее содержание и факт публикации к области духовной отношения не имеют. Соединившийся с Господом подвижник канонизуется по верности Христу. Агиографический аспект состоявшейся в 2000 году канонизации в соответствии с канонизациями древних мучеников показывает, что Церковь канонизует не за верность тому или иному направлению церковной политики, а за верность Главе Церкви — Христу, что в той или иной степени отражается в подписанных пострадавшими мучениками протоколах допросов.

Христианская позиция в условиях гонений на Церковь и древних мучеников, и новомучеников сходна как со стороны вопросов следствия, так и со стороны ответов исповедников. На допросе в 257 году ведший следствие проконсул, выяснив, что Киприан является христианским епископом, заявил ему: «Указ касается не только епископов, но и пресвитеров. Кто пресвитер в этом городе?» — «У вас есть прекрасный закон, запрещающий доносы, и я не стану доносить об них»²⁶, — ответил епископ.

На допросе в 1941 году следователь потребовал от иеромонаха Федора (Богоявленского)*: «Назовите ваших знакомых, у которых вы останавливались в селах Волоколамского района и в Волоколамске после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области». — «Я считаю невозможным называть этих людей и впутывать их в свое следственное дело и поэтому называть их не хочу»²⁷, — ответил тот.

Убедительным примером, показывающим, что такое исповеднический подвиг и что собой представляет судебное-следственное дело, когда оно является материалом агиографическим, служат судебные-следственные дела протоиерея Николая Кобранова, поминавшего за богослужением имя заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия. Он был арестован тогда же, когда были арестованы священники Сергей Тихомиров и Николай Прозоров, в 1929 году, что показывает, что декларация по замыслу властей преследовала цель внести в церковное общество смуту, но сама по себе она не гарантировала от репрессий. Легализация уже легализованной в соответствии с Конституцией Церкви никого не могла оградить от ареста. Виною протоиерея Николая перед советской властью стала забота о благолепии Троицкого храма в Кожевниках в Москве, для поддержания которого он учредил сестричество, и время от времени сестры-прихожанки отправлялись в другие приходы с подписными листами для сбора пожертвований. На допросе отец Николай, отвечая на вопрос следователя, сказал, что на дверях храма он действительно вывешивал объ-

²⁶ Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 2. СПб., 1910. С. 127.

²⁷ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-17172. Л. 14.

явления о сборе пожертвований на нужды храма, а также расписание богослужений. Следователь переиначил его слова, написав, что священник «организовал группу верующих для ведения антисоветской пропаганды под церковным флагом. И вел пропаганду также и сам лично, и в печати, а потому... привлечь Кобранова Николая Яковлевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по 58 статье УК...»²⁸. Под «печатью» имелись в виду вывешенные на дверях храма объявления о сборе пожертвований и расписания богослужений.

Отец Николай был приговорен к трем годам заключения в концлагерь и отправлен на Соловки, а затем — к трем годам ссылки в Казахстан. Вернувшись в 1935 году из ссылки, он поселился в Московской области, где встречался с монахинями и игумениями и иногда служил на их квартирах молебны. В 1936 году он снова был арестован и обвинен в организации нелегального монастыря — так НКВД интерпретировал знакомство с монахинями и служение молебнов.

«Вы устраивали нелегальные богослужения на квартире игуменьи?» — спросил его следователь. «Да, устраивал, — ответил священник и уточнил. — Я совершил молебное пение»²⁹.

Что касается контрреволюционных бесед, в чем его обвинил следователь, то это обвинение отец Николай категорически отверг, но не стал скрывать, что его «личное отношение к советской власти заключается в несогласии с ней по религиозному вопросу, так как она разрушает... храмы и репрессировывает невинно верующих и духовенство»³⁰.

Особенность ответов протоиерея Николая была в том, что он отрицал не только сами обвинения, выдвигаемые ему следователем, но и применяемую по отношению к нему терминологию Уголовного кодекса: «контрреволюционная группа», «нелегальные собрания», «антисоветская агитация», потому что в действительности вся жизнь христианина проходит в иной плоскости, далекой от политической жизни государства. И когда следователь говорил священнику, что он «устраивал нелегальные собрания на квартире», тот терпеливо его поправлял, возвращая допрос в церковное русло: «На квартире я нелегальных собраний не устраивал, а совершал богослужение»³¹.

«Вы зарегистрированы как служитель религиозного культа в административном отделе?» — спросил отца Николая следователь Байбус. «После возвращения из ссылки я в административном отделе не регистрировался, также не регистрировался и в Синоде», — ответил священник. «Вы на нелегальных собраниях группы распространяли контрреволюционную клевету о том, что в Советском Союзе жить стало совершенно невозможно, такого рабства, насилия и репрессий нигде нет. Вы это подтверждаете?»³².

Протоиерей Николай не стал отрицать, что он не говорил про рабство, про насилие и репрессии, он лишь сказал, что «контрреволюционной клеветы он не распространял», что было правдой.

Во время допроса, желая побольнее уязвить священника, следователь заявил, что даже жена считает его помешанным на религиозной

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-5552. Л. 14.

²⁹ Там же. Арх. № Р-35879. Л. 9.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 10.

³² Там же. Л. 10–11.

почве и вскоре придет ему развод. «Но не беспокойтесь, святым вас не сделаем»³³, — сказал следователь. В этом замечании обнаружилась главная задача следователя — повредить душе исповедника, духовно сокрушить его, разорвать его связь с Богом. Но это уже от следователя нисколько не зависело, а зависело лишь от Бога и самого исповедника, от его веры и любви к Спасителю, а уж любовь Христа к исповеднику была неизменна.

Что мог священник противопоставить физическому и психологическому насилию? Только еще большее самоограничение. В условиях тюрьмы большим самоограничением могла быть разве крайняя степень поста. И отец Николай объявил об этом мучителям. При этом он заявил, что его голодовка-пост не является протестом против советской власти, но является средством для стяжания внутреннего мира, организации его собственных духовных сил.

Впоследствии в письме к начальнику секретного политического отдела НКВД Тимофееву отец Николай писал о ведшем его дело следователе: «Байбус так поставил вопрос, что совершение литургии мной на дому есть государственное преступление. Не изменяя клятве священства и Деснице Всевышнего до смерти, не могу согласиться, что литургия в какой бы то ни было обстановке может быть преступлением».

Не соглашусь с Байбусом, что я должен домашнюю молитву регистрировать у гражданской власти после отделения Церкви от государства. Я законный священник, избранный народом, в этой области подчиняюсь только признаваемому мной епископу.

Грубо нарушены принципы веротерпимости и законы отделения Церкви от государства. Здоровьем и жизнью, мукой крайней вынужден в революционной среде защищать неприкосновенность убеждений»³⁴.

Протоиерей Николай был приговорен к пяти годам заключения в лагере, в котором он продолжил голодовку, из-за чего был отправлен в лагерьный лазарет. В августе 1937 года, когда повсюду начались массовые аресты, отец Николай был заключен в следственный изолятор. У начальника лазарета была истребована характеристика на священника, и тот, вполне искренне воспринимая отца Николая как исповедника веры Христовой, написал: «Лазаретному режиму подчинялся. Религиозен. По мере возможности старался соблюдать религиозные обряды (посты, молитвы)»³⁵.

Началось новое следствие, а вместе с ним и допросы. На этот раз в своих ответах отец Николай был краток. «Я не переношу современной суматохи жизни, и для меня совершенно безразлично, дадут ли мне бессрочное заключение, смертный приговор, — я готов принять все, но на волю я не хочу, то есть определяю себя оторванным от настоящей жизни. <...> Я с прибытием в Ухтпечлаг все время голодал по той причине, что в Москве начальник секретного политического отдела Тимофеев дал мне слово не направлять меня в лагерь, но, однако, я вопреки этому обещанию был направлен. Я очень признателен администрации Ухтпечлага за внимательность ко мне во время моей

³³ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-35879. Л. 105.

³⁴ Там же.

³⁵ УФСБ РФ по РК. Арх. № П-8393. Л. 23.

голодовки, которая является не протестом, а видом самообладания в чуждой обстановке. Конкретно я прошу для себя тюремного одиночного заключения, обещанного мне прокурором прокуратуры СССР Седовым, и прошу этот процесс ускорить»³⁶.

С точки зрения следователей и работников службы наказаний, священник просил для себя самого страшного, того, о чем закон говорит, как о наказании крайнем. Но для верующего человека не было лучшего, как остаться наедине с Богом, хотя бы и в каменном склепе.

Подписывать постановление с предъявленным ему обвинением отец Николай категорически отказался, и следователями был составлен акт: «На поставленные ему вопросы по существу доказанности его виновности... заявил, что он категорически отказывается отвечать на такого характера вопросы, а в противном случае прекратит всякий разговор по его делу, а также отказался от производства очных ставок. Кроме того заявил, что он человек своих убеждений — иного мира воззрений, что о своих убеждениях он открыто говорил в свое время на Лубянке 2, что с убеждениями можно бороться только или смертью, или терпимостью и что его, Кобранова, может исправить только могила»³⁷.

27 сентября 1937 года протоиерей Николай был приговорен к расстрелу и 31 декабря того же года расстрелян. На этом примере ясно видно, как жизнь исповедника, зафиксированная в материалах судебно-следственного дела, обращается в житие и становится агиографией.

Совсем иной пример представляет брат протоиерея Николая, епископ Евгений (Кобранов), человек деятельный, организатор сестричеств, собиравший средства для ссыльных. Как и многие тогда, во время репрессий 1937 года он был арестован и допрошен. На допросах по требованию следователя епископ Евгений дал показания, что является одним из руководителей контрреволюционной организации. В своих показаниях он перечислил в качестве членов этой организации десятки имен духовенства и мирян, охарактеризовав некоторых, как членов организованного им контрреволюционного актива. По тому же делу и в то же самое время, и тем же следователем Костиным был допрошен митрополит Казанский Кирилл (Смирнов)³⁸. И если епископ Евгений охарактеризовал названных им людей в терминологии Уголовного кодекса, то митрополит Кирилл, не отрицая того, что знает некоторых из них, отказался лжесвидетельствовать о них, охарактеризовав знакомство с ними как бытовое и исключительно церковное. Оба архиерея были расстреляны в Чимкенте 20 ноября 1937 года³⁹.

Обычно говорят, что человек лжесвидетельствовал под пытками или в силу оказанного на него чрезвычайного морального давления. Однако напомним, что условия каждого конкретного следствия всегда будут оставаться для исследователей предположительными. Никакой конкретный человек не нуждается в оправдании, и агиография никого не оправдывает и никого не судит. Агиография всего лишь

³⁶ УФСБ РФ по РК. Арх. № П-8393. Л. 41.

³⁷ Там же. Л. 43.

³⁸ Священномученик Кирилл (Смирнов), митрополит Казанский; память 7/20 ноября.

³⁹ УНБ РК по Чимкентской обл. Арх. № 02455. Ф. 1.

рассматривает «мученическое дело» пострадавшего, являющееся зачастую единственным источником информации, и может лишь констатировать, что имеющиеся сведения находятся в ее пределах или за ее пределами. И находит на этот счет исчерпывающее разъяснение в слове Божиим. Два брата, два священнослужителя, два труженика на поприще Христовом. Один берется, а другой оставляется. Почему так происходит? Господь не считает нам это нужным объяснять, и мы, склоняясь перед Божиим Промыслом, не можем дерзнуть и спрашивать.

Имея в виду агиографический аспект, когда речь идет об исповедниках и мучениках, бесперспективно рассуждать, почему тот или иной мученик устоял в верности Христу, а другой проявил малодушие и пал. Ответ на это был дан Христом. «И так всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 24–27). «Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду; а у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3: 13–15).

Эпохи, когда государство устраивало кровавые гонения, церковное общество всегда воспринимало, как время приближения Страшного суда. Так воспринимались гонения от язычников во времена апостольские, так воспринимались гонения и в послеапостольское время. Так же смотрели на массовые гонения исповедники Русской Православной Церкви в XX столетии, справедливо видя в происходящем признаки приближения конца человеческой истории. «Тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется» (Мф. 24: 40–41).

Причем и тот, кто берется, и тот, кто оставляется, находятся в равных условиях, ничем не отличающихся друг от друга. Разница между ними лишь во внутреннем человеке, но внутренний человек открыт только себе и Богу, а для сторонних людей внутренний мир человека закрыт. Божия подсказка звучит лишь в призыве человека к бодрствованию (Мф. 24: 42).

Для исследователя-агиографа бесполезно и бесперспективно стараться понять, почему человек проявил малодушие, стал предателем, снял с себя сан или отрекся от Христа. Это уже относится не к агиографии, а к изучению человеческой психологии, исторического процесса и социального устройства общества. И на этом пути терпеливого и добросовестного историка ждет много открытий. А рассматривать причины падения человека, почему он подписал протоколы со лжесвидетельствами, то есть брать на себя в той или иной степени роль судьи, бесперспективно для установления истины и предосудительно нравственно. И тем более тогда, когда есть те, кто остались верны Христу. Их жизнь можно без ущерба для своей души изучать,

у них учиться и с ними радоваться.

И это тем более верно, что массовое отпадение от веры, отречение от Христа случилось в истории гонений государством Церкви уже не единожды.

Так было во время гонения при императоре Декии (250 г.), когда все должны были заявить, остаются ли они в христианской вере или возвращаются к государственной религии Римской империи; сама явка к соответствующему чиновнику была обязательна, причем нужно было засвидетельствовать свое отречение от Христа перед жертвенником принесением жертвы богам. «Действие этой меры на христиан было самое подавляющее, — пишет историк В. В. Болотов. — Долговременная эпоха мира в значительной степени ослабила то нравственное напряжение, под которым жили христиане первой эпохи гонений. Со своим положением многие из христиан до того свыклись, что не предвидели для себя никакой опасности. Усыпление нравственности, почти совершенный сон религии характеризовал многих христиан того времени. Но следует прибавить и то, что христианская Церковь в то время значительно увеличилась в составе своих членов, потому что христианство в мирную эпоху расположены были принимать и такие, у которых не достало бы мужества примкнуть к этой религии в эпоху преследования. Поэтому гонение Декия отмечено было в некоторых церквях множеством падших»⁴⁰.

Следует отметить, что отступниками в этом гонении Церковь считала не только тех, кто принес жертву богам, но и тех, кто лишь получил документ, что он принес жертву, а также тех, кто за деньги был внесен в списки принесших жертву, хотя он этого и не делал. Покривление совестью и лукавство в главнейшем жизненном вопросе веры всегда почитались за большой грех, и в этом вопросе не столь и важна была форма греха. Принесший по малодушию жертву богам, в которых не верил, как и не принесший, но которому чиновник выписал справку, что он это сделал, по представлениям древних христиан, по существу ничем не отличался. Исходя из этих критериев, с которыми подходили христиане к исповедничеству и что считали отпадением от Христа, любая форма лжесвидетельства, причем безразлично о себе или о других, является отступлением от Христа.

Если причиной многочисленных отпадений от Христа в древнем мире было усыпление совести и увеличение числа людей, которые только на словах относили себя к христианам, то это еще в большей степени было свойственно XX веку, когда множество христиан, бывших таковыми только по имени, оказались не готовыми к исповедническому подвигу, не исполнив и даже не догадываясь, что надо исполнить то, к чему Господь призывал две тысячи лет — бодрствуйте. Вполне естественным посему был уход многих из Церкви, кто за обрядами не видел Тайнств, за внешней формой не видел содержания, кто храм Божий посещал более по привычке, нежели по духовной необходимости и голосу религиозной совести.

Согласно материалам архивно-следственных дел, значительная часть духовенства и верующих подписали «признательные» показания. Этот факт, поражая воображение исследователей, и приводит

⁴⁰ Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Т. II. История Церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 118.

их к абсурдному выводу, что документы ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ — подделка.

Но вот что пишет священномученик Киприан, епископ Карфагенский о гонениях, бывших в его время: «Тотчас, при первых словах угрожающего врага, большое число братьев продало свою веру...»⁴¹. И в другом месте читаем: «Враждебная буря, низвергнувшая большую часть народа нашего, чрезмерно увеличила скорби наши тем, что в своем разрушительном стремлении захватила и часть клира»⁴².

Что же говорить о XX веке, который характерен отходом большей части общества от христианских ценностей еще до начала гонений, когда вера у подавляющего большинства народа находилась на бытовом уровне, исповедовалась лишь в силу привычки? Колебания в вере, падения многих во время следствия являют собой впечатляющий дидактический пример и прямо предостерегают христиан: блюдите убо, како опасно ходите (Еф. 5: 15).

Один из вариантов ответов на вопросы следователя, не нарушающих христианских заповедей, это когда обвиняемый, называя имена людей, которые входили в круг его общения, например, служивших с ним в одном храме, категорически отказывается лжесвидетельствовать о них в терминологии Уголовного кодекса. Для следствия было важно само лжесвидетельство, которое гонители справедливо воспринимали как факт религиозно-нравственного падения, отпадения от веры и предательства Христа. Ибо если человек из страха перед гонителями был готов оклеветать других или хотя бы из малодушия только себя, надеясь этим угодить следователям, то какая же могла идти речь о верности Христу?

Когда следователь спросил диакона Елисея Штольдера⁴³, с кем из священнослужителей он знаком, он не стал отрицать, что знает священников Воронцова, Алексея Соколова и Николая Гаварина⁴⁴, а также благочинного Глаголева из села Фили. Но, когда следователь потребовал назвать вообще всех, с кем был знаком диакон, тот отказался это делать, и следователь был вынужден спрашивать об уже им названных.

«В чем выражалось ваше знакомство со священнослужителями, вами названными?» — «Знакомство выражалось в совместной службе в храме», — ответил диакон. «Следствием установлено, что вы занимались контрреволюционной агитацией, дайте по этому поводу показания», — потребовал от диакона следователь, добиваясь того, чтобы он в угоду гонителям оклеветал себя. «Хотя я человек не вполне лояльный к советской власти, но антисоветской агитацией не занимался»⁴⁵, — ответил диакон Елисей. Он был расстрелян 20 августа 1937 года.

В 1935 году был арестован протоиерей Василий Сокольский⁴⁶.

— Скажите, к какому церковному течению вы принадлежите? —

⁴¹ Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М, 1999. С. 212.

⁴² Там же. С. 480.

⁴³ Священномученик Елисей Штольдер; память 7/20 августа.

⁴⁴ Священномученик Николай Гаварин; память 11/24 апреля.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-56812. Л. 16, 18.

⁴⁶ Священномученик Василий Сокольский; память 28 августа / 10 сентября.

спросил его следователь.

— К Московской Патриархии, возглавляемой митрополитом Сергием, — ответил священник.

— Скажите о вашем круге знакомых.

— Слишком ограниченный, только свое духовенство Новодевичьего монастыря.

— Скажите, как часто вы собираетесь вместе и где?

— Собираемся только на кладбище и в церкви во время службы и при исполнении церковных обязанностей.

— У кого вы бываете, и кто у вас бывает на квартире?

— В гостях ни у кого не бываю, и у меня также никто не бывает, за исключением единственного раза, когда в день именин, 30 января по старому стилю 1935 года, у меня на квартире были на недолгое время Рожковский и Боголюбов, оба священники, — ответил отец Василий, назвав тех, кто служил вместе с ним в храме Ватопедской иконы Божией Матери.

— Каковы ваши политические убеждения?

— Я беспартийный и в политические дела по своему убеждению не могу вмешиваться, единственно, с чем я не согласен, это с отрицанием коммунистами бытия Бога, бессмертия души и нравственной ответственности за гробом, что я, как и прочие священники, не скрываю от лиц, обращающихся ко мне за разрешением этих вопросов⁴⁷.

Протоиерей Василий был приговорен к пяти годам ссылки и послан в Карагандинскую область, где в 1937 году снова был арестован и допрошен. Отвечая на вопросы следователя, он сказал четко и ясно: «Никакой контрреволюционной деятельности я не вел и не занимался. Поставленные вопросы признаю ложью. Показывать отказываюсь. Больше по существу дела показать ничего не могу»⁴⁸. Протоиерей Василий Сокольский был расстрелян 10 сентября 1937 года.

В 1938 году был арестован протоиерей Владимир Мощанский⁴⁹, служивший в одном из храмов в Вышнем Волочке.

«Назовите, кого вы знаете из духовенства Вышнего Волочка», — потребовал от священника следователь. «Из духовенства я знаю Всеволода Федоровича Зосимовского, священника собора, Александра Алексеевича Кобарова, священника собора, Ивана Никитича Воронцова, священника собора, Владимира Васильевича Успенского, настоятеля храма», — ответил отец Владимир. «Вы обвиняетесь в контрреволюционной антисоветской агитации, дайте по этому вопросу правдивые показания». — «Себя я в этом виновным не признаю и показаний или примеров по данному вопросу дать не могу»⁵⁰, — ответил священник.

Протоиерей Владимир Мощанский был приговорен к семи годам заключения в концлагере, но не вынеся тяжелых условий содержания в следственной тюрьме 7 сентября 1938 года скончался⁵¹.

В 1937 году сотрудники НКВД арестовали иеромонаха Оптиной

⁴⁷ УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Арх. № П-90575. Л. 7.

⁴⁸ Комитет Национальной Безопасности Республики Казахстан. Арх. № 2220.

⁴⁹ Священномученик Владимир Мощанский; память 25 августа / 7 сентября.

⁵⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 1077-С. Л. 10.

⁵¹ Там же. Л. 54.

пустыни Игнатия (Даланова)⁵², служившего с 1934 года в Спасской церкви в селе Курыничи Калужской области.

— Откуда к вам прибыл монах Саратовского монастыря Воротников и почему он у вас проживает? — спросил его следователь.

— Воротников за контрреволюционную деятельность отбывал наказание в Сибири и в Орле, после чего прибыл в Калугу, и архиерей направил его к нам. В церкви он не служил, а работал в саду по упаковке яблок, — ответил отец Игнатий.

— А кто у вас проживает еще из монахов в сторожке?

— В сторожке еще живут монашка Павлова Евдокия Федоровна, сторожиха Анастасия Генералова, жена церковного старосты Наталья Пещихина и ее сестра Аграфена Пещихина.

— Вы организовали там монастырь?

— В сторожке жили два монаха, монашка и три церковницы, монастыря мы там не организовывали, а собрались, потому что негде жить.

— Отрицая предъявленные обвинения, вы стали на путь обмана следствия, которое располагает достаточным материалом, уличающим вас в контрреволюционной деятельности, поэтому предлагается вам не обманывать следствие, дать правильные показания.

— В предъявляемых мне обвинениях я виновным себя не признаю, и еще раз заявляю, что с моей стороны никогда никакой контрреволюционной деятельности не велось⁵³.

Тройка при УНКВД по Тульской области приговорила иеромонаха Игнатия (Даланова) к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере⁵⁴. Он был отправлен в Темниковские лагеря в Мордовии, где скончался 3 сентября 1942 года.

Но и пытки применялись далеко не всегда. Оговоривший себя архиепископ Варлаам (Ряшенцев) дал показания и на два десятка человек, что позволило поставить их под надзор НКВД в качестве намеченных к репрессиям жертв. Сам архиепископ был приговорен в 1941 году к расстрелу. В своем объяснении случившегося архиепископ Варлаам написал: «Вменяемое мне приговором Вологодского областного суда устройство организации против советской власти не соответствует действительности. Правда, я не отрицал наличие у меня организации, но не сразу, а после многочисленных настояний на этом со стороны следователя. Природная уступчивость и нежелание расстраивать добрые отношения со следователями побудили меня сделать это»⁵⁵.

Ясно, что подследственный находился в это время в большом заблуждении относительно окружавшей его действительности. Как может христианин в своих поступках, возможно для него самых главных, опираться на свои природные качества (уступчивость) и желание сохранить добрые отношения со следователями, то есть с гонителями, и в результате предать и себя, и других, став на сторону гонителей, как послушное их орудие? Находящийся в ясном сознании человек не будет подписывать документов, где он и другие

⁵² Преподобномученик Игнатий (Даланов); память 21 августа / 3 сентября.

⁵³ УФСБ России по Калужской обл. Арх. №. П-891. Л. 14–15.

⁵⁴ Там же. Л. 20.

⁵⁵ УФСБ России по Вологодской обл. Арх. №. П-14826. Т. 6. Л. 83.

люди обвиняются в несовершенных ими преступлениях, хотя бы уже потому, что это чревато для него самого серьезными последствиями в виде сурового приговора. Очевидно, что человек в этом случае полагается более на человека (следователя), нежели на Бога. Причем подписи под протоколами допросов, в которых оговаривались многие люди, поставлены архиепископом Варлаамом добровольно, без применения какого-либо физического насилия, если не считать того, что большего насилия над человеком, чем его собственные помыслы — влекут ли они его к моральному или физическому падению, или к угождению следователю — не существует.

Обыкновенно Комиссию по канонизации святых упрекали в том, что, рассматривая материалы, касающиеся новомучеников, и, соответственно, судебно-следственные дела, она не ставила вопроса о достоверности этих источников. И действительно, Комиссия рассматривала только конкретный документ — судебно-следственное дело и имеющиеся в нем протоколы допросов пострадавшего священнослужителя или мирянина. Но исследователи, работавшие в Комиссии, никогда и не утверждали, что написанное в протоколах является правдой, для них было важно то, как отреагировал на написанное следователем обвиняемый, поставил ли он под ним свою подпись, то есть, проще говоря, как он отреагировал на сделанное ему предложение нравственного падения. И в этом отношении члены Комиссии стояли на прочной основе. Изучая биографию конкретного человека, они тем самым сужали поле исследований до тех объемов, когда можно было показать все доказательно, исключив все сомнительное и предположительное.

Следует отметить как весьма существенное, что тема изучения судеб пострадавших священнослужителей и вообще христиан имеет свою особенную специфику, так как это изучение группы людей, несколько отличающихся от других групп населения. И прежде всего потому, что они — христиане, то есть люди, предположительно остающиеся верными своему исповеданию, верными Христу, верными Христовым заповедям и готовыми за веру пострадать, чтобы вернейшим образом открыть себе путь в Царство Небесное. Или они нечто иное, хотя и называют себя христианами. Но тогда речи о канонизации, о причислении их к лику святых, идти не может.

XX век истории России — сначала императорский, а затем советский — мало изучен. Эта история масштабна. Одна тщательно изученная история репрессий должна была бы составить десятки томов — история горя и человеческих страданий, подвигов и преступлений. Сегодня же мы никоим образом не можем сказать, что эта история изучена. Не можем сказать хотя бы потому, что большая часть документов, касающихся истории советской России, не рассекречена. В научных подходах к ее изучению бытует множество теорий, мнений и концепций. И это свидетельствует, что российские ученые далеки от завершающего этапа исследований. И едва ли не то же (в смысле глубины и тщательности изучения) можно сказать и о досоветской истории России.

Некоторые исследователи, приступая к изучению судебно-следственных дел, произносят наивный упрек, что протоколы допросов написаны рукой следователя. Но они почти всегда

записываются следователем, зачастую в соответствии с различными служебными предписаниями и имеющейся практикой, но при этом подследственному принадлежит очень важное для него право — подписаться под ними — засвидетельствовать своей подписью все записанное следователем. И в нотариальных документах человек ставит лишь подпись, а нотариус, как и следователь, только заверяет, что человек согласен с составленным документом. Говорят, что неизвестно, при каких обстоятельствах ставилась подпись. Но это в данном случае не имеет значения, потому что перед нами верующий человек, последователь Христа, верующий не только в эту земную жизнь, но надеющийся и на последующую жизнь со Христом.

История репрессий подробно стала известна в 70-х годах XX столетия, когда был описан следственный процесс и перечислены те средства, которыми подследственные принуждались к лжесвидетельствам⁵⁶. Однако, изучая материалы конкретного судебно-следственного дела, мы в подавляющем большинстве случаев не знаем, каким образом велся допрос. Этим и отличается общая история, которая собирает вместе иногда разноплановые и разновременные факты, от конкретной истории (где каждый факт нужно доказывать), и добросовестный исследователь не может их подменить предположениями.

Иные говорят, что поскольку большевики, придя к власти, декларировали свободу религиозных убеждений, поэтому духовенство стали обвинять в контрреволюционной, то есть в политической, деятельности, что предполагает рассмотрение дел на священнослужителей в одном ряду с делами всех остальных групп населения. Это не совсем так. Хотя закон не позволял преследовать за религиозные убеждения, однако подзаконные акты и распорядительные документы Политбюро ЦК ВКП(б) прямо определяют Церковь как религиозную контрреволюционную организацию.

В январе 1929 года Политбюро ЦК утвердило резолюцию «О мерах по усилению антирелигиозной работы»⁵⁷, а в начале февраля она же, но в виде уже циркулярного письма ЦК ВКП(б) с грифом «секретно», была разослана местным партийным организациям. Согласно документу, Церковь рассматривалась властями «единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы»⁵⁸, и борьбу с ней предполагалось вести по всем направлениям.

И сами верующие, и власти знали, что верующие преследуются за религиозные убеждения, хотя против них и выдвигаются нелепые политические обвинения. И это уже было дело верующих — соглашаться с такой трактовкой обвинений или нет. Некоторые исследователи утверждают, что изучение следственных дел невозможно без ответа на вопрос: насколько они отражают ход допроса и методы, которые применялись следователем. Но ни в каких

⁵⁶ Солженицын А. Архипелаг Гулаг. Екатеринбург, 2006. С. 98–140. [Первое издание было опубликовано в 1973 году.]

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 2, 9–10 // URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=72742> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 13. Л. 56.

протоколах и ни в каких странах в следственных делах не отражаются методы ведения допроса. Методы ведения допросов и идейных оппонентов власти, и уголовных преступников одинаковы. Разница лишь в том, что в одном случае (уголовного преступления) есть само событие — преступление, которое и расследуется, а в другом случае это событие — преступление — отсутствует. Людей приговаривали к различным срокам заключения за то, что они когда-то что-то сказали, написали или даже подумали, а затем подтвердили наличие этих раздумий в присутствии следователя. В этих обстоятельствах верующий человек всегда стоял перед выбором — быть ли ему со Христом или подвергнуть свою душу опасности вечной гибели, соглашаясь на предложения представителей атеистической власти. В противном случае, если выбор отсутствует, виновной в отречении человека от Христа становится внешняя сила — следователи НКВД и тому подобные лукавые делатели мира сего. И все возвращается тогда к началу человеческой истории: Ева виновата в том, что соблазнила Адама, змей, что искусил Еву, а в конце концов виноват во всем Бог, создавший человека по образу и подобию Своему с возможностью свободного выбора.

Уже в 1920-х годах в советской России выходят пособия по криминалистике для сотрудников уголовно-розыскных учреждений, описывающие в том числе и методы ведения допросов, и порядок написания протоколов. Конечно, они описывают их в отношении преступлений против граждан, а не порядка управления. Обвиняемые по политической 58-й статье преступлений не совершали. Но в том и была задача следователей, чтобы убедить обвиняемых, что и слова, и мысли могут стать государственным преступлением. А Церковь уже была определена властью как легально действующая контрреволюционная организация, причем вне зависимости от всех ведущихся ее членами внутри-церковных дискуссий.

В публиковавшихся тогда пособиях для следователей, грамотно написанных и основанных на мировой практике расследований, говорилось о различных приемах ведения допросов. Рассказывалось, как воздействовать на разум человека и на его чувства, собирать воедино все сведения об обвиняемом, полученные как от свидетелей, так и от секретных осведомителей, чтобы создать у допрашиваемого впечатление, что о нем все известно⁵⁹, чтобы, в конце концов, убедить его объяснять свои слова и действия с позиции следователя. Говорится в этих пособиях и о необходимости мягкого, участливого отношения к обвиняемому. О том, что при первом аресте в человеке действует страх, который надо всячески использовать, допрашивая человека в первые часы сразу же после ареста, не откладывая допросов, чтобы человек «не успел опомниться, остыть и “пойти на попятный”»⁶⁰. Настоятельно советуется не допускать его встречи с другими людьми, которые могут помочь ему выбрать линию защиты.

Зачастую одного психологического давления в форме разного рода запугиваний было достаточно, чтобы склонить обвиняемого

⁵⁹ Михеев П. П., Семенов Н. Н. Криминалистика. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы (в вопросах и ответах). Пособие для подготовки сотрудников милиции и уголовно-розыскных учреждений. М., 1927. С. 317.

⁶⁰ Там же. С. 318.

к самооговору и лжесвидетельству. Опыт гонений в первые века христианства и массовые отпадения от веры в XX столетии свидетельствуют об этом с ужасающей очевидностью. При изучении судебно-следственных дел нет никакой нужды объяснять факты падения людей фактором пыток или подделкой следователем подписи обвиняемого. Это свидетельство о природе павшего человека, а если речь идет о христианах, то о небольшом числе людей, искренно верующих, тех, кого Господь назвал «малым стадом». И потому совершенно естественно, что в эпоху гонений устоявших в вере сотни, а отпавшие от веры исчисляются сотнями тысяч.

В завершение необходимо хотя бы кратко сказать о содержательной части и форме современного жития, как жанра агиографии. В каком жанре должны быть написаны жития новомучеников? Что в них должно быть, и чего быть не должно? В данном случае агиографу желательно держаться принципа включения в повествование лишь того, что входит в церковное предание, и одновременно, что значимо для истории той страны, в которой пострадал мученик. В жития не желательно включать индивидуальных переживаний исследователя, не имеющих прямого отношения к духовной жизни исповедника. Не должна включаться изложенная пространно генеалогия, а если и включаться, то лишь настолько, насколько это помогает раскрыть содержательную часть жизни мученика, не подавляя обилием частных сведений из прикладной научной дисциплины понимание его подвига. Также в житиях не должен преобладать и краеведческий аспект, хотя сам по себе он интересен и важен.

В житиях не должен быть замечен элемент исследовательский и научно-дискуссионный, то есть то, каким образом исследователь находил материалы. Об этом могут быть написаны отдельные статьи. В житиях желательно коснуться общеисторических событий, случившихся в то время, когда жил святой, если только он не был пустынником или затворником. Но к мученикам это почти не относится. Они жили в гуще жизни как церковной, так и государственной, и потому через их жизни проходят все бывшие тогда события как церковной, так и государственной жизни.

Очень важно, чтобы жития не были подражательными в духе средневековых повествований, когда автор рассказывает житие новомученика, исходя из своих представлений о мученике или стараясь доставить читателю занимательное чтение. В этом случае житие теряет свое историческое и церковное значение, превращаясь в занимательную повесть. Существенно и важно, чтобы в житии новомученика цитировались фрагменты судебно-следственных дел, хотя бы потому, что в них отражен его подвиг. Единственное, на что автор жития имеет здесь право, — это скорректировать текст в соответствии с правилами грамматики, не уклоняясь при этом от содержания протоколов допросов.

Современному автору житий новомучеников, желающему руководствоваться церковной традицией, следует напомнить себе, как относились христиане к документам судебно-следственных дел в древней Церкви в эпоху гонений. Само суждение о мучениках выносилось лишь после ознакомления с судебно-следственными делами, которые в мирное время добывались из государственных

архивов в виде копий, а во времена гонений с большими трудностями копировались за немалые деньги. Римские чиновники пытались не допустить попадания таких копий к христианам, обыскивали их, а найденные копии уничтожали. Только после 313 года судебно-следственные дела, сохранившиеся от мученических процессов, стали полноценно доступны христианам. Документы судебных процессов легли в основу церковных выводов о пострадавшем христианине как о мученике или отступнике. Ход делу по подозрению в предательстве давался в том случае, когда в наличии были официальные судебные документы и обвинения проверялись по судебным актам⁶¹.

В житиях новомучеников должно коснуться и тех, кто проходил по их судебно-следственным делам, но кто стал лжесвидетелем, надеясь снискать у гонителей снисхождение. Должны быть представлены и гонители, которые предавали христиан на мучения, представляя собой ту немалую общественную среду, среди которой суждено было жить новомученикам. Это тем более важно, что новоявленные гонители не появились вдруг из глубин древнего мира, они выросли рядом с теми, кто в своем мученическом подвиге показал верность Христу. В противном случае без описания зла не будет понятно, чему противостояли новомученики и на какой прочности «камень» они опирались, и в какой силы «шторм» им пришлось преодолевать «житейское море». Может быть, читателю и скучно читать протоколы допросов исповедников, но в них разворачивается главная драма борьбы человека за верность Христу и Его заповедям, тут обнаруживалось, жив ли еще человек или мертв, или носит лишь имя, будто жив (Откр 3:1).

Библиография

Архивные источники

1. АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 13. Л. 56.
2. ГАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. П-8768. Т. 1. Л. 209.
3. Комитет Национальной Безопасности Республики Казахстан. Арх. № 2220.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 2, 9–10 // URL:
5. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 1077-С. Л. 10.
6. УНБ РК по Чимкентской обл. Арх. № 02455. Ф. 1.
7. УФСБ России по Вологодской обл. Арх. №. П-14826. Т. 6. Л. 83.
8. УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Арх. № П-78806. Т. 1. Л. 8 об.
9. УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Арх. № П-90575. Л. 7.
10. УФСБ России по Калужской обл. Арх. №. П-891. Л. 14–15.
11. УФСБ РФ по РК. Арх. № П-8393. Л. 23.
12. ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-17172. Л. 14.
13. ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-5552. Л. 14.

⁶¹ Димитрий Спиридонов, священномученик. Древнехристианские мученики // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. № 23. С. 989–991; Димитрий Спиридонов, священномученик. Древнехристианские мученики // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. № 25. С. 1116–1125.

14. ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-35879. Л. 9.
15. ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-56812. Л. 16, 18.

Литература

1. Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 2. СПб., 1910.
2. Димитрий Спиридонов, священномученик. Древнехристианские мученики // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. № 23. С. 989–995.
3. Димитрий Спиридонов, священномученик. Древнехристианские мученики // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. № 25. С. 1116–1125.
4. Духовное наследие священномученика архиепископа Фаддея (Успенского). Том 3: Проповеди в недели по Пятидесятнице (с недели Всех святых до Недели о Закхее). М., 2022.
5. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-миной св. Димитрия Ростовского. Книга пятая. М., 1904.
6. Зегжда С. А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. [Набережные челны], 2009.
7. Михеев П. П., Семенов Н. Н. Криминалистика. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы (в вопросах и ответах). Пособие для подготовки сотрудников милиции и уголовно-розыскных учреждений. М., 1927.
8. Нуйкина Е. Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917–1930-е гг.): источниковедческое исследование. М., 2024.
9. Рекомендации к деятельности епархиальных комиссий по канонизации святых в епархиях Русской Православной Церкви. Документ утвержден на основании определения Священного Синода Русской Православной Церкви от 5–6 октября 2011 года (журнал № 121) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1639962.html> (дата доступа: 05.12.2024).
10. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Живой колос. Тверь, 2005.
11. Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. II. Ч. 1. Деятельность Русской Православной Церкви. М., 2014.
12. Солженицын А. Архипелаг Гулаг. Екатеринбург, 2006.
13. Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М, 1999.

Archimandrite Damaskin (Orlovsky)

COURT CASES AS HAGIOGRAPHIC DATA

Abstract. Beatifying the new martyrs and confessors of the Russian Orthodox Church becomes possible partly owing to the fact that the church scholars have been allowed access to the court cases data about the people who suffered for Christ in the 20th c. However the community has not yet agreed whether the trial cases meet the criteria for being the hagiographic material. This article offers the main arguments of those who object to using and taking into account the above mentioned data when deciding upon beatification. The author of the article appears to be the Doctor of Historical Sciences and a hagiographer who has been studying the new martyrs' feat and has been involved in the archival research all his life. In accordance with the Holy Scriptures and the Holy Tradition as well as the key scientific factors of Hagiography, the author supports his

claims with proofs and reasoned arguments.

Keywords: Hagiography, Assembly of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church, Beatification, Court Cases, Criteria for Canonization, New Martyrs' Hagiographies.

About the author: Archimandrite Damaskin (V. A. Orlovsky) – Doctor of Historical Sciences, a Member of the Synodal Commission on Canonization of the Russian Orthodox Church, the Supervisor of the Regional Public Foundation “Memory of Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church”.